

Ломовцева Майя Петровна

Руководитель клуба-лаборатории «Бисеринка», с. Эссо

Мир глазами детей в раннем детстве

В наше время расшатываются традиции, ставятся под сомнение испытанные методы и подходы, средства массовой информации лавиной обрушивают на людей всевозможные новые знания и воззрения — именно в наше время чрезвычайно важно вновь спросить себя: какие же условия нужны для развития человека? Каким должно быть воспитание в детстве, отрочестве, юности?

Я росла и воспитывалась в большой дружной семье оленевода. Нас было шестеро детей: пять мальчиков и я, девочка. Мама наша выросла в тундре и там работала всю жизнь. Нас было бы 12 детей, но дети умерли еще в младенчестве. С малых лет мои родители были рядом с нами. Я всегда чувствовала улыбку матери, ее нежную заботу.

Помню, когда мама должна была родить младшего брата, я была рядом, двое младших братьев спали. Отец уехал за продовольствием на собачьих упряжках в с. Долиновка. Двое пастухов находились в горах со стадом. Мне было семь лет. Мама попросила, чтобы я вскипятила

чайник. И когда через несколько минут закричал около мамы маленький розовый человечек, мне было непонятно, откуда он взялся. Маме я помогла, чем могла: принесла воду, затопила очаг. Вот, наконец, мама укутала маленького брата, затем положила его к себе на живот. А я все время смотрела с удивлением. Потом мама стала кормить грудью и маленький человечек так мастерски стал сосать, что мама улыбнулась, я с радостью подошла, мама меня по голове погладила и сказала, что родился еще братик. Так появился наш Валера. Я его нянчила и младшие братья тоже. Учили его ползать, ходить.

Кочевали мы на оленях. Братику новорожденному сделали люльку деревянную из березы, обшили оленьей шкурой. Подвешивали суму кожаную весом, соответствующим весу младенца, клали на оленя, на седло, и так мы кочевали.

Наши кочевые маршруты нас не обременяли, наоборот это был праздник — ехать и кочевать на оленях. На стоянке нас предупреждали, что сильно шуметь возле спящего братика нельзя. Ведь на первых порах звуки ребенком воспринимаются чуждыми. Обычно, мама шила и напевала мелодии. Ведь младенец открывается напеву, а значит, легче и раскованнее отпускает свою душу на отдых, погружается в сон. А мы в это время играли подальше от юрты: кидали мавыт, кто-то изображал оленя, кто-то ловил.

Отец наш всегда старался, чтобы мы питались сытно. Поэтому у нас всегда было обилие разного мяса. Мама и отец говорили, что надо обязательно есть нялыкча: печень сырую, легкие, почки, панты. Готовили потроха, суп кровяной. Ни зимой, ни летом мы не мерзли, была готовая одежда, сшитая мамой на все случаи. Мама всегда также обшивала всех пастухов и нашу большую семью. Она никогда на нас не кричала, не бранилась. У каждого были свои обязанности: кто-то дрова принесет, кто-то воды, кто-то прибирается, кто-то с отцом на оленьих пастбищах, кто-то рыбачит.

Однажды мама сшила красивую вещь из оленьих камусов, я села рядом, попросила пошить, она дала мне иголку с ниткой, показала, как шить надо. Я зашила и показываю через некоторое время. Вижу, что она чуть-чуть расстроилась и вдруг меня по руке слегка стукнула. Я отдернула руку. «Ты сшила неправильно. Надо шить по ворсу, а у тебя все наоборот». А я сказала, раз ты меня ударила по руке, я больше никогда не буду шить. Я переживала, что у меня не получилось, а было мне в то время всего пять лет. Еще помню, как пришел отец и, увидев, что я грустная, узнал у матери, как я училась шить. Затем погладил меня по голове и говорит маме: «Ты еще будешь ею гордиться. Ведь она все запоминает, а так может замкнуться». Отец сказал, что все у меня получится. А потом все время стал брать меня с собой пасти оленей. Как было замечательно и весело с оленями. То переходишь речку вброд, то пасешь около озер, то — у гор. Это было так прекрасно. Я позже стала самым надежным напарником отца, хотя очень уставала. Позже у нас появились свои, обученные, верховые олени, лошади, собаки. Отец меня учил управлять собачьей упряжкой. Так что самостоятельно я ездила верхом на оленях и лошадях с 5—6 лет.

С детских лет мы росли в доброй семье. Постепенно согласовывали собственные интересы с семейными, умели внимательно слушать. Запоминали места, где кочуем. Знали, почему нельзя плевать в речку или огонь. В семь лет мы умели уже многое делать: мыть посуду, варить, ухаживать за младшими, завязывать все предметы на одежде, выглядеть более менее опрятно.

Помню, как в шесть лет я училась стричь медвежью шерсть. Я села рядом с мамой, попросила у нее нож. Хотела ей помочь. Стала стричь, несколько раз состригла и обрезала себе палец, а шкуру продырявила насквозь. Мама быстро развела медвежью желчь в кипяченой воде, приложила к ране, а сверху залепила сухим грибом (дедушкин табак). Рана быстро зажила. Отец тогда одобрил мое желание помочь маме. Отношение матери и отца к нам оказали на нас огромное влияние. Давая нам посильные задания, они развивали в нас самостоятельность. Просили рассказать, как прошел день, что мы делали, кого видели на природе. Предостерегали, чтобы мы не разоряли гнезда птиц, слишком далеко не уходили за пределы юрты.

В детстве мы узнали, что есть Бог. Мама учила, когда встааете или ложитесь спать, скажите Богу: «Бог, я помню тебя». Были у нас и сшитые мамой при нашем рождении куколки — хранители души. Мама нас учила, что к природе надо относиться с уважением, так как нас окружают много духов, хотя их и не видно. Мы часто на природе любили долго бродить. Мама не запрещала, но просила, чтобы мы не плакали, если испугаемся. Она объяснила, что маленькие медвжата часто ревут, как маленькие дети, поэтому медведь может перепутать и к нам придти.

Медведя мы, эвены, почитаем. Хороним все останки, кости, шепчем молитвы. Глаза медведя, когда разделяют голову, кладут в уши. Голову — череп — с раскрытой пастью (палочкой подпирали) ставили на дерево, обращая к восходу солнца. Играя, мы все это запоминали.

Приучали нас и к порядку. Приходя домой, каждый снимал обувь, ставил на место, чтобы утром встать и одеться.

Для нас всегда был праздник, когда забивали оленя. Самого маленького, в люльке, подсаживали рядом, и носик его был «накормлен» по эвенскому обычаю оленьим мозгом, который помещали на кончик носа ребенка.

Самые отважные из братьев оставались возле стада покараулить. А когда возвращались, для них подавалось кушанье как вознаграждение.

В школу я пошла в 8,5 лет. Мама меня долго не отпускала, потому что до этого умерла моя старшая сестра, уехав учиться в школу. В школе я не понимала, что мне говорят, так как не знала русского языка. Но с помощью подруг — переводчиков я постигала русский язык. И через месяц уже понимала и красиво писала свои первые слова, читала букварь. Я жила в интернате, очень скучала по родителям и младшим братьям. Но отец сказал, что я умница, должна учиться, чтобы многое узнать и стать грамотной.

С тех пор минуло много лет. Мы все выросли, стали полноценными людьми, уверенно войдя в активную жизнь, потому что мы умели работать.